

Отцу

Евгений
ДОЛМАТОВИЧ

г. Ярославль

*...И кто знает, как отыскать ту настоящую,
ту единственную нашу планету, на которой
остались знакомые поля и леса, и
любимый дом, и все, кто нам дорог...*

Антуан де Сент-Экзюпери

* * *

*Я*томно... Видение столь необычное, удивительное, можно даже сказать, невероятное! Этот остров, темнеющий в неподвластной времени бесконечности, и сплошь переливающаяся кругом вода. Такая картина не забывается. В сравнении с ней все города мира и вправду кажутся мелочью, помехой, назойливой мухой, раздражающе жужжащей над ухом и мешающей наслаждаться красотой музыки либо же постигать величие тишины. Впечатления, что навсегда остаются в памяти.

А еще океан... На восходе его волны принимают фиолетовый окрас, и в них словно бы пробуждается утреннее солнце. А может, так оно и есть? Может, в этом чарующем месте солнце действительно нашло свой дом? Здесь, на самом краю света, куда нас когда-то манила тайна, куда звала душа; здесь, в этих дивных заповедных землях, о которых мы грезили, будучи детьми-мечтателями, и где наши болезненно-прекрасные сны о путешествиях вполне могут стать явью; здесь, где приходит смирение, понимание, что ты лишь взбалмошное дитя природы...

Может, именно здесь ты и обретишь покой, долгожданное прощение?

1

Кошмары перестали мучить пару недель назад, но нормальный сон так и не вернулся. Просыпаясь, каждое новое утро Сергей бессмысленным взглядом смотрел в окно, за которым постепенно умирало душное лето.

рассказ

Затем он брел в ванную комнату и прохладной водой ополаскивал взмокшее от уже полузабытых образов и видений лицо; долго и равнодушно изучал себя в зеркале. Мир за стенами жужжал и копошился, но жизни в отражении не было, и, несмотря на всю мистичность и лукавство, издавна приписываемую зеркалам, в этот раз оно явно не врало.

Смутное время, пугающей тенью промелькнувшее где-то рядом, а нынче и вовсе выкинутое из памяти за ненадобностью... Или же из страха. Когда появилась цель, стало как-то проще; отныне было куда идти, было к чему стремиться.

На теплоходе «Марина Цветаева» со сном тоже возникли проблемы, но уже по иной причине. Сергей страдал от морской болезни, а в те редкие моменты, когда злосчастный недуг отступал, он бесцельно бродил по палубе, разглядывая перламутровую в солнечных бликах воду и цепляясь за какие-то невнятные мысли, мелькающие в сознании, словно грязно-белое брюхо чайки в небесах. Тридцать шесть часов пути от Корсакова до Курил подходили к концу, и понимание данного факта сказывалось на поведении немногочисленных пассажиров. Эти незнакомые и оттого кажущиеся странными, невероятно чужими люди точно так же слонялись по палубе, ведь погода не обижала, хотя море порядком уже им приелось; они жаждали как можно скорее ступить на землю обетованную, жаждали почувствовать твердую почву под ногами. Не моряки, не мечтатели, даже не путешественники в истинном значении этого слова — лишь горстка туристов. Так небольшая компания мужчин потягивала теплое пиво на корме, над чем-то громко хохотала, при этом сохраняя равнодушное выражение покрасневших глаз. Изредка один из них тянулся к гитаре, пробегал пальцами по струнам и задорно, с хрипотцой, тянул что-нибудь этакое, например, из «Високосного года»:

*Слушай, там, далеко-далеко, есть земля.
Там Новый год, ты не поверишь,
Там Новый год два раза в год, вот.
Там снег, там столько снега,*

*Что если б я там не был сам,
Я б не поверил, что бывает столько снега,
Что земля не видит неба
И звездам не видать с вершин,
Как посреди огней вечерних и гудков машин
Мчитесь тихий огонек моей души...*

Женщины же маялись от скуки, кутались в шерстяные кофты и рассеянно глазели по сторонам, но даже любопытные дельфины, сверкавшие плавниками в паре метров от «Марины Цветаевой», и редкие китовые фонтаны в отдалении нисколько их не занимали.

— Кипр? Не-е, не советую, — говорила одна, почесывая пухлую коленку. — Сервис в разы хуже, чем в том же Египте, кормят какой-то безвкусной дрянью, а в бассейнах свариться можно.

— Да ну! — демонстративно ахала вторая, меж тем подозрительно косясь на мужчин с пивом.

— Ага! Мы как приехали — уставшие, взмокшие, с этими бутылками из «дьюти-фри» — все барахло в номере сбросили и отправились пляж искать.

— Ясно...

— И какая-то полоумная старуха, вместо того чтоб кратчайший путь нам показать...

Сергей отвернулся, уставился вдаль. Совсем скоро он окажется на месте: минует загадочный Итуруп и величественный Кунашир и, войдя в колбообразную бухту между мысом Думнова и мысом Трезубец, сойдет на пристань в поселке Малокурильское острова Шикотан. А там, дальше... Что ж, спустя сорок с небольшим лет он наконец-то возвратится домой.

Домой?

Он порылся в карманах и нащупал заветную пачку. Закурил, испытав при этом что-то близкое к удовлетворению. В желудке пронзительно заурчало, но поесть удастся еще не скоро. Только если на острове. В противном случае вновь придется отхаркиваться, перегнувшись через перила и наблюдая, как вязкий желудочный сок перемешивается с пенистой водой Охотского моря. «Все на корм рыбам, — грустно усмехнулся Сергей, делая очередную затяжку, — а позже рыбаки выловят эту проворную рыбину и подадут мне же на стол».

Для середины сентября погода выдалась отнюдь не сносная. Во всяком случае, так уверяли путеводители. Туры на Курильские острова заканчивались с наступлением октября, когда избалованным столичным туристам в этой части света делать было уже нечего. Оно и к лучшему, так как Сергею совсем не хотелось, чтобы по воскресшему из пучин забвения острову таскались галдящие группы приезжих, сверкая вспышками фотоаппаратов и всюду норовя сунуть свой любопытный нос. Он, правда, и сам являлся приезжим, но еще до того, как из туманной дали древнего океана выплыл первый остров, вдруг ощутил себя коренным обитателем этой таинственной земли. Здесь, на другом краю земного шара, все должно быть иначе. Не так, как в шумной, пронизанной смогом торопливой столичной жизни, Москве, из которой он поспешно сбегал, не выдержав давления. Одиночество в большом городе гораздо ужаснее, нежели на острове. По крайней мере, так он считал. И ему хотелось в это верить, потому что иначе... иначе просто некуда было убежать, негде было искать покоя, а то и примирения.

— Смотрите, вот и Кунашир! — радостно крикнула одна из женщин.

И правда, словно уснувший много веков назад титан, сквозь серо-молочную дымку проступил остров. Геометрически-незамысловатые — сплошь прямые линии и острые грани — очертания земли на фоне серой пустоты неба и темно-синей воды, а у верхушки вулкана клубились тяжелые свинцовые облака. По склонам стелился белесый туман, и казалось, будто бы остров дремлет, точно так же, как дремлет и вся жизнь на нем.

«Где-то в этом месте кончается море и начинается океан, — думал Сергей. — Тихий океан с его фиолетовыми волнами... Об этом любила рассказывать мать, когда вспоминала свою жизнь на Курилах. Как же давно это было!»

Но в этот день вода была темной, холодной, таящей в своих глубинах истинную память минувших дней, достоверную летопись прошедших событий, о которых никто уже никогда ничего не узнает.

— Кунашир, — прошептал Сергей, изучая

взглядом красоты острова и постоянно возвращаясь к окутанному облаками пику вулкана Тятя — истинной любви всех российских вулканологов.

— А слева вон Итуруп, — не унималась женщина, часто шелкая затвором своей зеркальной камеры. Значения выдержки и диафрагмы, видимо, не особо ее волновали. Она даже к кольцу трансфокатора на объективе ни разу не притронулась.

Тут же ставший уже привычным шум плещущейся о борта пенистой воды и урчащего двигателя «Марины Цветаевой» нарушил настойчивый гудок не пойми откуда взявшегося закопченного плашкоута, с палубы которого прямо на Сергея равнодушно глазели два смуглых моряка. Они ловко пришвартовались к теплоходу; началось перемещение привезенных на Кунашир грузов. И все то время, пока моряки трудились, а старый плашкоут коптил воздух вокруг, капитан «Марины Цветаевой» — худощавый бородатый мужчина лет пятидесяти с неизменной папироской во рту — грустно и по-своему мечтательно поглядывал в сторону острова. Наверное, душа звала его туда, но обстоятельства удерживали на месте, не позволяя поддаться секундному импульсу — опасному искушению всего рода человеческого.

В какой-то момент капитан ощутил на себе посторонний взгляд и, обернувшись к Сергею, явно смутился.

— Острова влюбленных, — пробормотал он, а потом глаза его вновь стали жесткими, лицо посуровело.

«Сильный мужик, — отрешенно подумал Сергей. — В свое время, видимо, сделал выбор и теперь вот смиренно несет тяжесть принятого решения. Наверное, наверное...» Очередная тайна очередной человеческой души, неумолимо растворяющаяся в мистичности здешних пейзажей; да и сам мир этот, обособленный от мира внешнего, большого, неугомного, алчущего новых свершений, сам мир этот есть не что иное, как одна сплошная тайна. Красота истинная, затаившаяся где-то среди брызг соленой воды, криков чаек и блеска рыбьих косяков в глубине. Красота, вобравшая в себя многие судьбы, укрывшая их, словно птенцов, большим и теплым матери-

нским крылом. И здесь все эти судьбы слились в единое целое, сделались частью островов, моря и океана, густого тумана и призрачного света маяка; отныне они больше неотделимы от всего этого, теперь они стали одной великой тайной...

Сергей глянул на удаляющийся плашкоут, затем на возникший словно бы ниоткуда так называемый японский подарок — небольшое судно с именем «Надежда»... Надежда? Как символично! Несколько пассажиров, из тех, чей путь лежал на Кунашир, быстро перебрались на корабль. «В знак дружбы от японского народа», — прочел Сергей дарственную, выведенную яркой красной краской на белой трубе.

Капитан же украдкой продолжал рассматривать Кунашир. И лишь когда, отдав швартовые, это угловое, выкрашенное по кильватеру в зеленоватый цвет суденышко, натужно пыхтя и дав несколько громких сигналов, двинулось в направлении острова, капитан развернулся и ушел обратно в рубку.

А мужик на корме снова взялся за гитару, надрывно запел:

*На дороге туман —
Нам мерещится дым.
Ты уехал за счастьем —
 вернулся просто седым.
И кто знает, какой
Новой верой решится эта борьба?
Быть, быть на этом пути —
Наша судьба!*

2

До Шикотана оставалось приблизительно четыре часа, и пассажиры, взбодренные близящимся завершением пути, непрестанно обсуждали сей чудесный факт. Ветер усилился, а волны, долгое время равнодушно лизавшие теплоход, видимо, порядком уже подустали от него. Началась сильная качка, и измученный в течение последних суток желудок Сергея незамедлительно среагировал.

Как «Марина Цветаева» проходила по проливу Екатерины, что между Кунаширом и Итурупом, Сергей помнил плохо. Все это время

он, перегнувшись через перила и тяжело дыша, глядел на взбунтовавшуюся воду; тошнота не отпускала ни на секунду, а внутренности то и дело сводило болезненной судорогой.

В какой-то момент, отфыркиваясь и отплевываясь, он мельком заметил блеск хромированного металла в воздухе: секундой позже мобильный телефон ушел на дно.

— Вот дерьмо! — выругался Сергей, в глупой надежде похлопывая себя по внутреннему карману куртки.

И как только раньше не догадался переложить телефон? Хотя... с другой стороны, какая польза от этого устройства? Тем более здесь. Поднимаясь по трапу самолета, совершающего перелет из Москвы до Южно-Сахалинска, он невольно поймал себя на мысли, что толку от такой высокотехнологичной безделушки, как мобильник, теперь уже никакого: звонить все равно никто не станет. И искать тоже не будут. А он сам? Сергей раздраженно отмахнулся — без разницы! Особенно если учесть, что в адресной книге имелось не больше десятка имен.

Все это лишь жалкие обрывки прошлого, к которому лучше не возвращаться...

Он вновь перегнулся через перила, заглянул в глубину. Теперь это уже тихоокеанские воды. Что ж, значит, так надо: отправляясь на край света, нужно освободиться от спутывающих нитей былого, от всей той бесполезности, что повсюду таскаешь с собой в душе, считая этот хлам единственно важным. Путешествие на край света требует сжечь мосты.

— Да, так будет правильно.

И с этими словами он вынул из кармана кожаное портмоне, расстегнул его. Деньги еще пригодятся, а вот остальное... Кредитные карты и всевозможные скидки, визитки людей, чьих лиц он уже не помнил (а может, и вовсе никогда не видел), какие-то бумажные обрывки с записанными на них номерами телефонов, несколько истрепанных иконок, вечно подсовываемых матерью... — все это незамедлительно отправилось в воду. Повертев в руке ключи от квартиры, он швырнул их следом. Та же участь постигла и ключи от машины — несмотря на то что машины давно уже не было,

эти ключи он носил с собой как напоминание. Фетиш. А то и артефакт... Что ж, судя по всему, хранил он его исключительно для этого вот момента. Ну а последней в пальцах замерла измятая по краям фотография. Молодая темноволосая женщина с грудным ребенком на руках. Алла. И на обороте уже стирающаяся надпись гелевой ручкой; почерк размашистый, со множеством завитков; буквы выведены с завидной аккуратностью, если не сказать скрупулезностью.

«Возвращайся, мы ждем тебя дома».

Подумав немного, Сергей убрал фотографию в карман, разжал пальцы другой руки, и портмоне ушло под воду так же стремительно, как мобильник.

— Что, хвораете? — услышал голос за спиной и от неожиданности даже вздрогнул.

Капитан облокотился на перила, задумчиво поглядел куда-то вдаль.

— Ничего, скоро будем на месте, — сказал он.

— Хорошо бы, — вздохнул Сергей.

Повисла неловкая пауза, и мир наполнился лишь дыханием океана да урчанием двигателя теплохода.

— И часто такое видите? — наконец поинтересовался Сергей.

— Что? Хворь-то морскую? Так приходится, — хмыкнул капитан. — Я-то всю жизнь в море... Даже правильнее будет, что море — это мой дом. Ну а люди издалека едут. К качке непривычные, вот и баламутит их.

— Ясно.

— Последнее время много вас таких, приезжих.

Сергея слегка задело это обобщение, но, поразмыслив, он признал явную правоту капитана.

— Добрались и до здешних красот, — меж тем продолжал тот. — Во времена Союза попасть сюда было не так-то просто. Режимный объект, все дела. А сейчас, — и капитан устало махнул рукой, — одни разговоры, а не погранзона.

— Я сюда не за красотами приехал, — сказал Сергей. — Я домой возвращаюсь.

Капитан искоса взглянул на него, улыбнулся одними усами.

— Неужто родились здесь?

— Угу, на Шикотане. И до пяти лет прожил. А потом родители в столицу перебрались. Раз-

меняли, так сказать, здешние бухты на многоэтажные каменные коробки и одну загаженную речушку.

— Москва?

— Она самая.

— Хм, ни разу там не был, — покачал головой капитан. — Мне, признаться, и тут хорошо. Посвоему мирно, что ли... Здесь я живу, работаю. Тут мне и умирать. А столица... Не мое это.

— Да, понимаю.

И вновь повисла пауза.

— Ладно, не буду вас отвлекать, — сказал капитан. — Прощайтесь с былой жизнью спокойно. По себе знаю — делать это необходимо в одиночестве.

И он добро так улыбнулся, а в голубоватых, подернутых дымкой прожитых лет глазах на мгновение сверкнул лукавый луч. Капитан понял все сразу, ему не требовались объяснения, все эти бесполезные слова. Он прекрасно знал, что нет никакой символичности в том, когда человек бросает в воду ключи или кошелек. Просто так принято ставить точку, и обратный путь отныне закрыт.

«Не только сильный, но еще и мудрый, — понял Сергей, проникшись уважением к капитану, — волевой. Чувствуется старая закалка. Эти воды воспитали его, выпустили в мир как собственного сына. И как знать, сколько таких сынов ежегодно эти воды забирают обратно, в беспмятный покой пучин...»

...Туда, где спит земное светило, а прошлое и будущее не имеют значения.

— Прощайте, — сказал капитан.

Он по-отечески хлопнул Сергея по плечу и удалился.

— И вы прощайте, — кивнул Сергей и, когда капитан ушел, шепотом добавил: — Прощайте, мой единственный и верный друг. И ничего, что дружба наша длилась всего лишь миг, даже за это время я вам благодарен...

3

Бухта Малокурильская встречала «Марину Цветаеву» мутноватой водой, туманом, словно бы сползшим с самого острова, да ред-

кими огнями поселка, равнодушного ко вновь прибывшим. Через пару минут сплошь штрихами и очертаниями обозначилась пристань — обветшалая, заваленная разнообразным строительным мусором, оставшимся еще со времен памятного землетрясения 1994 года. Справа по борту на небольшой возвышенности расположились четыре ржавеющие топливные цистерны, на каждой из которых красовалась по две крупных буквы: «НЕ», «КУ», «РИ», «ТЬ». Слева же склон был не столь отвесным, и в воду уходили проржавевшие рельсы и бесформенные куски металла, искрошившиеся обломки кирпичных стен, валуны, а за всем этим в какой-то паре метров уже начинались административные здания. Ныне кирпичных построек на острове практически и не осталось, все дома были собраны из досок. Наполовину погрузившись в воду, брюхом кверху лежал вездеход, и дама с фотоаппаратом, обнажив в широкой улыбке подозрительно белые зубы, сделала несколько быстрых снимков — шелк, шелк, шелк.

— Ну что ж, вот мы и на месте, — произнес один из мужчин. — Шикотан, приветствуем тебя! Кстати, кто-нибудь знает, как переводится название острова?

— Красивое место, — устало отозвалась какая-то из женщин. — Если что, ты нам об этом уже все уши прожужжал.

— В дословном переводе с айнского, — менторским тоном вещал мужчина, — «ши» значит «большой», а «катан» — «селение»...

Но остальные его уже не слушали.

Сойдя на берег и впервые за весь долгий путь от Москвы до Курил ощутив себя относительно спокойно, Сергей рассеянно огляделся по сторонам. За неимением иного варианта он неторопливо последовал за галдящими туристами. В отличие от них, его на острове никто не ждал, не встречал, и где он проведет неумолимо надвигающуюся ночь — по-прежнему оставалось загадкой. За всю дорогу до Шикотана он ни разу не задумался об этом, будто и правда верил, что не существует ничего другого, кроме самой этой дороги, этого путешествия, а то и паломничества... этого отчаянного бегства от прошлого, без надежды на какое бы

то ни было настоящее, тем более будущее. Как если бы дорога существовала вне времени, сама по себе, и так — вплоть до скончания времен — он бы плыл и плыл, наблюдая за пенистыми волнами, рваными облаками, дельфинами и проворными касатками, вынырывающими из глубины и вновь уходящими в нее, плыл, страдая от томительной качки и болезненных воспоминаний, плыл, постепенно избавляясь от мелочевки в карманах. Океан бы со временем поглотил всю его жизнь, и на носу (баке — как принято говорить среди моряков) не осталось бы уже ничего от него самого.

Но вот он здесь, на острове, что считает родным, плетется за пестрой группой любителей путешествовать, не зная, что же будет дальше. Куда идти, где приютиться?

И в тот момент, когда осознание этого посетило его, Сергей вдруг испугался: ведь возвратившись на остров, он не нашел здесь дома. А значит... значит, все зря? Но другая мысль успокоила, заставила ожесточиться его обветренное шальным морским ветром лицо и сжаться в тугую пружину его измученную жизнью душу; эта мысль придала не столько надежду, сколько цель — свирепую, безжалостную.

Сергей ускорил шаг, так как подниматься пришлось в гору, и через несколько минут ходьбы по непривычной местности, среди густого рыбьего запаха и малознакомой флоры, он очутился в поселке Малокурильское.

Детские воспоминания рисовали совершенно иной остров — с кирпичными четырехэтажными домами и оформленными дворами, заснеженными сопками, казавшимися тогда гораздо больше и страшнее, нежели теперь. Нынешний Шикотан никак не сочетался с этими смутными гиперболизированными образами детства, с рассказами матери и смазанными черно-белыми фотографиями, которые она иногда показывала. Неужели землетрясение 1994-го настолько изменило быт островитян или же причина кроется в чрезмерно идеализированных воспоминаниях?

Редкие прохожие с плохо скрываемым раздражением косились на все это галдящее туристическое безобразие, предосудительно качали головами, отворачивались и шли себе дальше.

Подобное совсем не нравилось Сергею, и, наперекор своему страху остаться одному, в незнакомом месте, он решил обособиться от остальных приезжих. В конечном итоге все, что ему нужно, это ночлег и машина до маяка наутро. А там... там будь что будет.

Спустя какое-то время он набрел на небольшой одноэтажный домишко, выкрашенный в ярко-синий цвет и по форме больше напоминающий сарай, нежели жилое помещение. «Магазин «Шикотан»», — прочитал он выведенную от руки желтой краской надпись и шагнул внутрь. Словно бы переместился на десять, а то и двадцать лет назад. Продавленные полы, выложенные рыже-красным советских времен кафелем, убогие прилавки со скудным содержимым, весы и касса, а за спиной продавщицы — средних лет женщины с мучнистым лицом коренной провинциалки — стеллажи, заполненные товарами первой необходимости. Объявления, набросанные черным фломастером на грубо выданных тетрадных листах, сообщали о наличии в продаже рыбы, видеокассет с порнухой, сигарет и водки, игрушек и снова рыбы. Зато плетеный коврик у входа с кричащей надписью «welcome» не мог не позабыть.

— Здравствуйте, — обратился Сергей к продавщице, листавшей какой-то дамский роман.

Она смерила его отстраненно-пытливым взглядом.

— Здравствуйте. Вам чего?

— Мне бы... — Сергей замялся. — Понимаете, я только приехал, а на острове знакомых никого нет. Вот, ищу ночлег.

— Ночлег? Мужчина, это вы явно не по адресу. Вам в гостиницу надо. Есть у нас тут такая, специально для туристов. А я... чем я могу вам помочь? Только если икорки желаете или рыбки красной отведать. Хорошая. С нашего завода. Ну?

— Да и это тоже, только позже. Просто... понимаете... — Он вздохнул. — Мне завтра надо на маяк. Там меня ждут... должны ждать. Мне бы комнату на одну ночь и еще совет, где подыскать машину до маяка.

— Машину? В такое-то время?! — Она незло усмехнулась. — Вы, верно, не представляете, куда попали. Маяк? Это Шпанберга, да? Хотя

чего я спрашиваю — других-то у нас и нет! — хотнула сама над собой. — Беда, правда: туда и в хорошую-то погоду на машине трудновато проехать. Сейчас вам и вовсе вездеход нужен. Дорог-то здесь как таковых нету. А в последнее время дожди зачастили, размыло, небось, все.

— Знаю.

— Если и сумеете чего найти, то это вам в копеечку влетит.

— Деньги не важны, — заверил Сергей. — Заплачу сколько скажете.

— Что ж... — Продавщица задумалась. — Не-е, все равно беда. Даже если заплатите, здесь вам не город. Целый вездеход... Вы, как понимаю, не с этими? — И она кивнула в направлении окна, за которым деловито брели два толстых мужика — те самые, что распивали пиво на «Марине Цветаевой».

Через мгновение они ввалились в помещение магазина, улыбаясь и отвечивая какие-то сальные шуточки, набрали рыбы, креветок и водки (продукт, как заверил один из них, при этом нисколько не погрешив против истины, первой необходимости).

— До Солдатской бухты дойдем, хочу на доты глянуть, — расплачиваясь, прогромыхал первый из них. — Пока их полностью в океан не смыло.

— И на Четыреста двенадцатую поднимемся, — радостно закивал второй, пряча заветные бутылки с огненной жидкостью в рюкзак.

— Поднимемся-поднимемся, не переживай...

Все это время Сергей молча стоял в стороне, ожидая, когда же они уберутся восвояси.

— Ну, так что? — спросил он, как только дверь за ними захлопнулась.

— Что-что?! — всплеснула руками продавщица. — Вон только что двое заходили! Напросились бы с ними, чего мешало-то? Водки б хряпнули и сдружились бы сразу. Они в любом случае к маяку потащатся и вас бы прихватили.

— Я не пью, — признался Сергей.

— Тяжело вам тогда будет, — покачала головой продавщица, но по лицу ее было видно, что подобное решение она одобряет. — Здесь все пьют. Куда ж без этого?

— Понимаю.

— Понимаете? Эх, беда мне с вами, беда-бе-

да, — вздохнула она, и взгляд ее скользнул по обложке недочитанного романа. Какая-то искра блеснула в ее глазах — что-то мимолетное и таинственное, что-то тщательно скрываемое в недрах души. — А сами вы откуда?

— Из Москвы.

— Из Москвы? — Она кивнула собственным мыслям. — Да, последнее время москвичей у нас хватает, прям курорт здесь себе устроили! Только вот поздновато вы заявились. В сентябре остров не особо гостям рад, к зиме готовится. Вам бы в июле, в августе... Вот там благодать! Там есть на что посмотреть!

— Да я, так-то, не смотреть сюда приехал... — Сергей отвернулся, уставился на коврик у двери.

— Тогда зачем? — Продавщица умолкла, досадливо прикусила губу. Что-то она увидела, почувствовала, поняла... — Ладно, извините. Не мое это дело. Просто... ну, девичье любопытство, сами понимаете...

Повисла неловкая пауза.

— Бог с вами, — наконец хлопнула она по столу. — Говорите, цена значения не имеет?

— Никакого.

— Тогда есть у меня одно решение. Я про ночлег. — Она испытующе уставилась на Сергея, но, столкнувшись с его взглядом, поспешно отвернулась. — Муж у меня неделю как на большой земле, вернется лишь послезавтра. Если хотите, могу постелить вам на кухне. Но только на одну ночь. Утром уйдете.

— Хорошо. А вездеход?

— Что вездеход? Это уж вы сами решайте. Я для вас и так много делаю.

— Да, конечно. Извините меня.

Она потянулась к книге, но, резко отдернув руку, вновь посмотрела на Сергея.

— Вы ведь не какой-то там негодяй?

Он подумал, прежде чем ответить. Да и как сказать — вообще, стоит ли? — что ты именно негодяй — самый настоящий негодяй! — но не в том смысле, в каком обычно используют это слово. Хотя... может, и в том. И он уже хотел было соврать, но, споткнувшись об ее подозрительно-вдумчивый взгляд, тихо вздохнул:

— Наверное, я именно такой.

Продавщица долго ничего не отвечала. Разнообразная гамма чувств промелькнула на ее

лице, но потом, в который раз скосившись на потрепанный роман, тот самый, что она, быть может, читала уже не единожды, кивнула.

— Это хорошо, что вы честны, — сказала она.

— Негодяи не говорят правды. Уж поверьте, я это точно знаю.

Она протянула руку:

— Марина.

Сергей улыбнулся и пожал ее пухлую ладошку.

4

Вечером они брели по одной из улиц поселка — молча, пропуская мимо внимания колючие взгляды редких прохожих, слушая лишь, как шуршит гравий под ногами. И каждый думал о своем.

Вытянутые двухэтажки оказались распиханы тут и там, словно ребенок раскидал по комнате кубики. Высились коричневые от ржавчины трубы, болтались на ветру оборванные провода. Забавная особенность большинства нежилых построек заключалась в том, что все они были обиты крышками от консервных банок. Чуть выше по склону, разинув деформированные рты-окна, застыла развалина, некогда бывшая школой. В сторону от нее тянулся импровизированный стадион, а за ним — сколоченная из досок церковь.

В какой-то момент Сергей остановился, пораженный открывшимся видом. Возле дымящейся разворошенной помойки топтались несколько тощих, с облезлыми грязными боками и мускулистыми ногами, черно-белых коров. Они равнодушно обнюхивали отходы, выбирая из них то, что считали годным употребить в пищу. А в пищу шло все — от рыбьих голов и картофельных очистков до промокшего картона.

— Да, вот так они у нас и пасутся, — нарушила порядком уже затянувшееся молчание Марина.

— А пастух где?

Она засмеялась.

— Какой пастух?! Боже упаси! Этих буренок утром со двора выгоняют, и дальше они сами по себе. Рыщут по местности — что найдут, то съедят. Никто за ними не приглядывает, лишь бы на огороды не лезли.

— И не страшно потом их молоко пить? — спросил Сергей.

— Молоко как молоко, — отмахнулась Марина, — кто хочет, тот пьет. В основном коровы у нас для мяса. Поживешь тут с годик, от рыбы тошнить начнет. В свое время еще свиньи были, так те и вовсе огромных собак напоминали — быстрые, тощие. Да-а, что ни говори, а наша земля меняет скотину...

Когда именно они перешли в обращении на «ты», Сергей не заметил, но подобное его вполне устраивало. Простота речи без всякой вычурности и манерности по-своему успокаивала, сближала. И даже остров больше не казался таким уж чужим и далеким. Несмотря на то что Сергей находился здесь всего день, он почувствовал, что постепенно обживаетеся.

Его мысли нарушила довольно-таки забавная картина: устав ковыряться в мусоре, одна из коров, та, что с виду была помощнее остальных, издав громогласное «му-у-у-у!», неторопливо двинулась вдоль дороги. На людей она не обращала никакого внимания, занятая исключительно своими заботами. И две большие, черные как смола вороны уселись ей на спину. Зорко глядя по сторонам, птицы таким вот образом «ехали» за ее счет.

— Наглые они тут, — сообщила Марина.

— Му-у-у-у! — промычала корова.

— Му-у-у-у! — хором ответили ей вороны, причем воспроизвели этот звук настолько точно, что Сергей даже вздрогнул.

А корова как ни в чем не бывало шла по дороге, виляя задом. Она то и дело призывно мычала, и хитрое воронье, устроившись у нее на спине, мычало в ответ.

— Как так? — спросил Сергей, провояжая взглядом столь странную процессию.

— Это еще ерунда, — усмехнулась Марина, беря его под руку. — У меня дома кошка живет. Сумка зовут.

— Сумка?

— Даже и не спрашивай, — хихикнула она. — Так вот, я ее во двор не пускаю. Лисы в последнее время повадились кошек таскать, курто мало. Вот и сидит моя Сумочка одна-одинешенька в пустой квартире. Так, стало быть, о чем я... Ах, да! Эта засранка как-то под вечер

удрала. Пробралась в форточку и сиганула со второго этажа. Ну, я на улицу, кричу: «Сумка, Сумочка, киса-киса-кис-кис-кис!» И тут слышу, представляешь?

— Что слышишь-то?

— Мне в ответ откуда-то со стороны забора, из темноты скрежещущим таким голосом: «Сум-ка-сум-оч-ка-ки-ски-ски». Ну, я, естественно, перепугалась не на шутку, места ведь у нас лихие, заколдованные. Всякое тут водится. Не иначе как еще со времен японцев нечисти развелось; японцы ж язычники, к Богу никакого отношения не имеют! Так вот, сама, значит, перекрестилась, дрожу как лист осинный, но уходить без кошки не хочу.

— И что?

— Воронье! Расселись три черных птицы на заборе и передразнивают меня! — И Марина, широко раскрыв глаза, уставилась на Сергея.

— Ну и ну, — только и покачал головой тот.

Хотя домишки в поселке были исключительно серыми, как вулканический пепел, подъезды в них — узкие, с крутыми ступеньками и пущенными вдоль стен трубами — кто-то догадался выкрасить в ярко-оранжевый цвет. «Не иначе как пережитки советских времен», — размышлял Сергей, пока Марина отпирала дверь.

— Вот, скромная моя квартирка, — сказала она, пропуская гостя внутрь. — Тесновато, конечно, но сделайте скидку на то, что это остров, а не материк. Вы, небось, не привыкли к такому в своей Москве.

И в этих последних, с долей заискивания, словах Сергей ощутил укол то ли зависти, то ли тоски по иной реальности. А может, и все сразу. Что-то болезненно-сокровенное таилось за этим ее робким выпадом в сторону столичной жизни.

Сергей посмотрел на Марину.

— Давай на «ты», ладно?

— А? Да, конечно...

Квартира была однокомнатная, с небольшой прихожей и махонькой кухонькой. Телевизора Марина не имела — не нужен, как сообщила она, пренебрежительно махнув рукой в сторону всего телевидения. Зато на тумбе красовался магнитофон с аудиокассетами. Вплотную к стене прилегал полка, заставленная дамски-

ми романами и парой книг русских классиков. А еще в комнате имелся диван с покосившимися ножками; на стене висела картина — не иначе как пейзаж одной из бухт Шикотана.

— Безымянная, — сообщила Марина, перехватив взгляд Сергея. — Чуть дальше как раз твой маяк находится. Художник один приезжий мне ее подарил... Вернее сказать, за две бутылки водки ею расплатился.

Сергей долго смотрел на картину. И пусть по неуверенным мазкам и плохо выделенным граням берега было видно, что художник либо еще молодой и неопытный, либо же рисовал он эту бухту уже под градусом, общая атмосфера определенно удалась.

— Это и есть Край Света? — спросил Сергей, кивнув на выступающую в океан сушу.

— Ага, всемирно известный мыс, — улыбнулась Марина, — за которым вроде как и нет ничего. Хотя не знаю, почему его так назвали.

— Так ведь самая восточная часть острова?

— Не-е, — отмахнулась она. — Самая восточная — это мыс Краб, на нем и стоит маяк. А это... Ну-у, так — для красного словца...

Вечером они ели жареную рыбу, щедро мазали черный хлеб икрой. Измученный полуторасуточной качкой желудок больше не бунтовал, с благодарностью принимая столь экзотическую пищу. Кошка Сумка — четырехцветная пушистая животина — вилась под ногами, с несчастным видом глядя то на хозяйку, то на незнакомца. Изредка она издавала тихое, но тем не менее требовательное «мяу», за что тут же получала нагоняй от Марины.

— Такой прелести у нас хоть отбавляй! — расхваливала Марина икру, меж тем вполглаза наблюдая за своенравным чайником на плите. — Браконьеры несчастную горбушу где попало таскают; она когда на нерест идет, ее хоть ногами из речки выпинывай. Дальше — икра «минутка».

— А с самой рыбой чего?

— Чего-чего! Брюхо вскроют, икру выскоблят, а отшкеренную тушку в кусты. Там и тухнет. Кому она нужна на рыбном острове?

Сергей проглотил очередной бутерброд и потянулся за новым. Что сказать — икру он любил с детства, но покупать ее по московским ценам — так можно себя и по миру пустить.

— И почему «минутка»?

— Ну как, ведро этой икры соберешь, от пленки отмоешь, а дальше засаливаешь в марле. Как вода стечет, икру можно есть. Процесс недолгий. — Марина поднялась и, убрав с плиты свистящий чайник, порылась в шкафу. Поставила на стол бутылку водки. — Инспектор из рыбнадзора все равно лишь по определенным дням появляется. Все это знают.

— Я пить не буду, — нахмурился Сергей.

— Хм... — растерялась Марина. — Думала, ты это так, красуешься.

— Нет, я в завязке, — признался он.

— Вон оно что! — рассмеялась Марина. — А я-то уж было решила, что ты вообще не пьешь. А ты, стало быть, свое уже отпил.

— Даже не представляешь насколько, — вздохнул Сергей. — Марин, слушай, а где у тебя покурить можно?

— В форточку только если, — отозвалась Марина. — Я-то сама не курю, бросила... Да и хороших сигарет на острове днем с огнем не сыщешь. Морякам дорогой табак ни к чему, вот и не везут его сюда.

Сергей распахнул окно и уставился в черноту ночи. Где-то вдали, за стеной видимости, шумел океан. Пахло солью, и ветер гнал по склону поселка отзвуки постепенно стихающей жизни. Во дворе переговаривались вороны, шумел дизельный двигатель. А в ином мире, отделенном от этой квартиры черной полосой неизвестности, сияли огни траулеров. В небе постепенно зажигались звезды — большие и яркие.

— Надо же, какая ночь, — хмыкнула Марина, выглянув в окно. — И облаков нету. Завтра, наверное, холодно будет. Может, даже гроза придет... Тут, если что, погода на дню по сто раз меняется.

— Тихо как... — только и сказал Сергей.

А поздней ночью, лежа на полу кухни, где Марина постелила ему матрас, он равнодушно смотрел в потолок, размышляя над тем, каким же будет этот пугающе-манящий «новый день». Что найдет он в этом совсем уже скором будущем? Кого повстречает? Обратного пути нет, да и деньги стремительно подходят к концу. Теперь лишь одна дорога — туда, на мыс...

Край мира, после которого начинается сплошная, залитая водой пустота. Ничего и никого. Тишина и спокойствие... Забвение?

Как бы ему этого хотелось!

— Сереж? — прервал его размышления шепот из прихожей. — Сережа, ты не спишь?

И ведь он знал, что она придет. Видел это в ее глазах, в том, с какой грустью смотрела она на расцветенный яркими красками, выдуманный мир в своих дешевеньких книжках. В том, с каким мечтательным удовлетворением приняла его ответ о Москве. Неужели именно к этому рассаднику человеческой безысходности устремлены все ее мечты и надежды?

А может, они устремлены куда угодно, лишь бы подальше с острова?

— Сереж?..

И вновь неловкое молчание.

А потом осторожные шаги — легкая поступь босых ступней по гладкой поверхности пола. Через мгновение теплая ладонь коснулась лица; Марина скользнула под одеяло, крепко прижалась к Сергею. И, лежа с закрытыми глазами, старательно изображая сон, он чувствовал, как усиленно бьется ее сердце, как учащается ее дыхание.

— Сережа, — ласковый жаркий шепот в самое ухо.

Он повернулся, внимательно посмотрел на нее.

— Нет никакого мужа, ведь так?

— Был, да сплыл. — Она потерлась губами о его небритую щеку. — Теперь вот я одна, здесь, у черта на куличках.

— Марин...

— Знал бы ты, каково это — торчать тут из года в год, прожигая собственную жизнь среди пьяных моряков да рыбьей чешуи! — исступленно зашептала она. — Я устала, Сереж! Я хочу выбраться отсюда. Хочу уехать! Куда угодно, только прочь с Курил. Я не создана для такой жизни!

— Марин...

— Не создана, понимаешь!

Этот окрик заставил его вздрогнуть, и на один краткий миг Сергей буквально оцепенел. Словно от неожиданного телефонного звонка, не предвещающего ничего хорошего, словно

от жалобного всхлипа несчастной отвергнутой души, словно от гудка мчащегося навстречу грузовика...

Марина отстранилась, испуганно посмотрела на него. И, погруженный в темноту этой кухоньки, Сергей будто взглянул на нее по-другому, иначе. Лишь теперь увидел ее по-детски одутловатое лицо, пухлые маленькие губы, ямочки на щеках и вздернутый нос. Ее глубоко посаженные, белеющие во мраке глаза с черными-черными зрачками и растрепавшиеся кудрявые волосы. Ее ставшие широкими от тяжелой работы плечи и могучую грудь, крепкие руки и ноги. Вся ее фигура как-то не вязалась с этим перепуганным детским личиком и, как догадывался Сергей, с тем представлением, что сложилось у нее о самой себе. Выросшая на острове, взалхлеб глотающая всю эту бульварную литературу, рисующую богемных дам в кабриолетах и статных красавцев с лошадиными улыбками на лоснящихся лицах, увлекающих этих дам на романтические прогулки по бескрайним пляжам, полным золотого песка, она так и не смогла примириться со своей участью, из года в год лелея надежду когда-нибудь сбежать с этого холодного острова. И кто знает, сколько таких приезжих уже останавливалось у нее в квартире, сколько из них пользовалось ее доверием, лишь для того, чтобы с наступлением утра растоптать ее наивные мечты и убраться восвояси, — так сколько же?! Но она все не отступалась, продолжая упорно верить, надеяться, ждать... Ведь рано или поздно кто-нибудь обязательно заберет ее с собой. Заберет туда, где кипит иная жизнь, подобная той, что живописуют ее книжки; заберет туда, где слово «дом» обретает совершенно новое значение.

И в эту очередную ночь она пришла к еще одному приезжему, глупо надеясь, что, быть может, именно он окажется тем самым... «Наивная! — думал Сергей. — Как же не уловила ты, не увидела главного?! Как же не поняла, что я не собираюсь никуда возвращаться, что мой путь был лишь в один конец и, сойдя этим днем на остров, я завершил его».

— Марина, — позвал он ее.

— Нет! — Внезапно зашептала она, теплой ладошкой зажимая ему рот. — Не говори ниче-

го, не надо! Прошу тебя! Я ведь так устала, так устала! Не нужно мне ни о чем рассказывать, просто не гони меня. Я буду здесь, рядом, с тобой и твоя, но... Пожалуйста!

Она с жаром поцеловала его — снова, снова и снова... — а потом, словно бы почувствовав, впитав в себя все невысказанные им слова, те тягуче-болезненные чувства, что в нем густелись, резко отстранилась. Глаза ее потухли, и, прислонившись спиной к стене, она обреченно вздохнула.

— Ты ее любишь, верно? — Марина посмотрела куда-то в сторону окна, в сверкающую черноту тихоокеанского неба, отделенного от нее мутноватым стеклом. — Свою жену любишь, поэтому, да?

Ну что еще она могла подумать? Какая мысль придет в голову отвергнутой женщине, как не мысль о наличии другой женщины? Увы, в большинстве своем жизнь слишком предсказуема, чтобы можно было разгадать бездны, порой скрываемые ею.

— Дело не в этом... — начал Сергей.

— А в чем тогда? — перебила она его. — Может... может, я просто не нравлюсь тебе, а? — Ее голос обрел стальные нотки, в нем проскользнул гнев. — Привык, небось, к расфуфыренным красавицам в этой своей Москве, да? А я слишком толстая или, может быть... может быть, я слишком старая для тебя?!

В темноте не было видно, как дрожат ее губы, но вот на глазах появились первые слезы, и свет далекой звезды, прокраившийся в кухню, отразился в них. Так Сергей в который раз столкнулся с женским отчаянием — чувством, что уродовало женщину, искажало самое женственность, делало всех отчаявшихся на одно лицо — сначала лицо Аллы, теперь вот Марины...

— Нет, Марин, — покачал головой Сергей. — Просто там, в магазине, я не соврал...

— Перестань.

— ...когда сказал, что я негодяй...

— Пожалуйста, хватит!

— ...но я не хочу тебя обманывать, не хочу, чтоб ты тешила себя ложными надеждами.

— Замолчи уже! — закричала Марина и... разрыдалась.

Он же спокойно смотрел на нее.

— Я просто не собираюсь отсюда уезжать.

— Да заткнись... — Она запнулась, шмыгнула носом и быстрыми резкими движениями ладоней смахнула предательские слезы. Внимательно посмотрела на него. Какое-то время хранила молчание, потом едва слышно спросила: — Что значит — не собираешься уезжать?

— Я не вернусь. Я приехал сюда, чтобы остаться.

— Но... как же так? — удивилась Марина. — Сереж, никто не приезжает сюда, чтоб остаться. Это не тот рай на земле, где хотелось бы жить. Понимаю, звучит романтично: остров в океане, прочее, но... Жить здесь нельзя! Тут все чахнет, гниет!

— Там не лучше, Марин. Поверь, там не лучше...

Он поднялся и начал одеваться.

— Куда ты?

— Пройдусь немного... Хочу подышать свежим воздухом.

— Здесь ночью опасно, — прошептала она.

— Не переживай, — ответил он уже из коридора. — Утром вернусь за вещами.

И шагнул в стылую островную темень.

5

Он стоял на берегу и трясся от холода, но уходить все равно не хотел. Да, с погодой определенно прогадал, нужно было надеть кофту под куртку, тогда не стучали бы так зубы, не дрожали бы заострившие пальцы...

А океан был спокоен, и волны его приходили к берегу из темноты, нарушаемой лишь одинокими огнями рыболовецких траулеров. Дул ветер, подошвы ботинок вязли в серой мелкой гальке — к ним постоянно цеплялись черно-зеленые водоросли. Пахло гниющей травой, солью и... позабытыми грезами? А может, это лишь постепенно пробуждающаяся память? Ведь когда-то он бегал по этому берегу, гонял чаек и зачарованно смотрел на корабли, на вздувшуюся пену облаков, на слоистый туман и восходящий диск солнца. Может, даже на фиолетового цвета волны, словно бы поглощавшие все краски мира; волны, недос-

тупные времени и человеку, но магнитом притягивающие к себе мысли и мечты. И вот теперь он снова здесь, на этом самом берегу, лицом к лицу с океаном — образом, что прошел с ним во снах, прошел через все пыльные московские годы...

«Здесь я родился, здесь пролетело мое детство, — думал Сергей. — Теперь я вернулся сюда, чтобы успокоиться, отыскать дом... если такое место действительно есть на этой планете».

Дом. Где он? Там, куда устремляются мысли, куда рвется душа; дом там, куда отправляешься, когда закрываешь глаза, когда запираешься в самом себе, отрешенно наблюдая за людским потоком — этим хороводом одинаковых лиц, улыбок, слов. Дом внутри тебя. Но этого недостаточно! Ведь так?

Берег же был усеян всевозможным мусором, выброшенным за ненадобностью океаном. «Плавняк» — так здесь это называли. «Плавняк» не имел времени и принадлежности, он просто из ниоткуда возникал на песке; волны игрались с ним, пока не забрасывали как можно дальше на сушу. Разные мелкие вещи, видимо смытые во время штормов или попросту выкинутые с рыболовецких кораблей, в том числе и японских: обрывки нейлоновых канатов, бутылки необычных форм с иностранными наклейками, пластмассовые ящики, обломки досок и бревен, порой даже мачт. Или, скажем, тело какого-нибудь несчастного. Некоторые из найденных таким образом предметов впоследствии даже использовались в строительстве. Утопленников хоронили, а безделушки уносили к себе либо же вовсе не трогали — так до тех пор, пока океан не забирал их обратно, чтобы потом, чуть позже, швырнуть уже на другой берег или же вовсе на другой остров. И так пока мусор этот не затеряется в пучине воды и суши, пока не исчезнет насовсем.

Тут к носку ботинка прилипла рваная страница, Сергей хотел смахнуть ее, но успел различить несколько строчек. Развернув отсыревший клочок бумаги, он прочитал: «...никто никогда не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, ук-

рылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немало труда стоило забыть, что ты — человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города... Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то...»

Сергей улыбнулся этим словам, в которых узнал отрывок из «Планеты людей» Экзюпери; улыбнулся, будто старому другу, с которым давно не виделся. Сложив страницу, он спрятал ее в карман.

А спустя еще полчаса стоял у древних японских захоронений, огороженных убогим заборчиком, заросших и неприбранных. Эти пирамидальной формы, сложенные из больших грубо отесанных камней надгробия отчасти даже пугали. Казалось, нет им места среди серых домов и ржавеющего металлолома, среди убожества вымирающих окраин безразмерного Российского государства. И все же они находились именно здесь. Памятник старины, все еще почитаемый японцами, но совершенно бесполезный для нынешних обитателей острова. И кто знает, обрели ли успокоение мертвые в этих могилах? Позабутые, отвергнутые, разлученные со своим народом и родной культурой, в окружении холодного океана и равнодушных чужих людей. Годы шли мимо, но так ничего и не поменялось...

Сергей вернулся под утро и застал Марину на кухне. Она сидела за столом с сигаретой в руке и бессмысленно смотрела куда-то в пол.

— Привет, — сказал он просто потому, что требовалось что-то сказать.

— Я все организовала, — не поднимая головы, пробормотала Марина.

— Что?

— Транспорт до маяка. Водила — знакомый мой, живет через дом отсюда. Туристы его на-

няли на два дня, но сегодня решили выдвигаться пешком. В общем, тут километров десять расстояния, о цене сам договоришься.

Сергей присел рядом.

— Спасибо.

— Не за что.

Марина глянула на него, и он понял, что этой ночью она сдалась. К нему было обращено лицо старой, измученной жизнью женщины, — ее губы сжались в тонкую складку, а в потухших глазах сгустилась тень многолетнего одиночества.

— Не знаю, что ты задумал, — сказала Марина, — и какие цели преследуешь, но...

— Марин...

— Желать удачи не буду, — отрезала она и отвернулась. — А теперь, пожалуйста, уходи.

В этот момент дом несильно трянуло, лишь дрогнули стекла в окнах да в гостиной что-то упало с полки.

— Это еще что такое? — насторожился Сергей.

— Ничего особенного, просто махонькое землетрясение. Если сейчас сирена не взвывает, то все в порядке.

— И часто?

— Бывает. Но... ты вроде собирался уйти.

— Да, как скажешь. Сколько я тебе должен?

— Нисколько, просто уходи.

— Хорошо... И, Марин, прости меня.

— Не извиняйся. Ты ни в чем не виноват.

Тогда Сергей собрал свои вещи, потоптался какое-то время в коридоре, а потом вышел прочь. Марина же так и осталась сидеть за столом, бессмысленно глядя на не убранную с полу постель, на которой минувшей ночью она окончательно распрощалась со всеми своими иллюзиями.

6

Водитель, которого звали Слава, или — как Всам он представился — Славик, оказался разговорчивым суховатым мужчиной лет двадцати пяти с коричневым от загара, изъеденным оспой лицом. Руки у него были все в шрамах, ладони покрыты твердыми мозолями, а из-под манжет рукавов выбивались чер-

ные кучерявые волоски. Крутя «баранку» старенького ГАЗ-66, он неустанно о чем-то болтал, задавал вопросы, хохотал и тут же обильным матом крыл все, на чем мир стоит.

— Дружище, ты могилы япошек уже видал, да? Узкоглазые, мля... их одно время сюда пускали... Так представляешь, эти черти шли по улице и харкали в местных жителей! Ух, мать их растак! А ныне, видите ли, обратно Курилы требуют. Уроды, мля! Че, раз Союз распался, тут же можно наглеть? Забыли, что ли, как мы им в войну тумачков навешали?!

Грузовик, урча двигателем, взбирался на холм, а секундой позже уже вольно катился со склона. Под колесами хлопала и чавкала грязь, брызги долетали до боковых стекол, сползая по ним черными подтеками. А со всех сторон раскинулась дивная природа острова — густые травы и карликовые деревья с причудливо изогнутыми ветвями. Утро выдалось пасмурным, и набухшие грозовые тучи цеплялись за вершины холмов, с которых постепенно исчезал туман.

Старенький кассетный магнитофон уныло тянул Бутусова:

*Обрекающий на вечность и бессмертие Господь,
Пожалей мою беспечность и страдающую плоть,
Забери меня обратно, отпусти меня домой,
Не позволяй мне больше плакать
и смеяться над собой...*

— Тут с дорогами беда, сам понимаешь, — меж тем продолжал Славик. — Местные редко дальше сел суются, им на всю эту красотень болт покласть. До Крабозаводского путь еще более-менее, ну и до части погранцов тоже. А вот к маяку — дело совсем другое. Раньше попроще было. Геологи лагерем стояли — целый городок у них вроде как имелся в Церковной бухте. Агаты, что ли, искали или еще чего, уж не знаю.

— А сам давно здесь живешь? — поинтересовался Сергей.

В этот момент ГАЗ вырुлил на прогалину и стал медленно спускаться к руслу какой-то речушки. Судя по тому, как затрясло машину, дно у речушки оказалось каменистым.

— Так удобнее, — пояснил Славик. — Че спросил-то?

— Сам давно здесь?

— Да как сказать... Пятерка точно будет. Я так-то родом из-под Хабаровска. Деревушка там есть одна. Но чет мне торчать в ней совсем не в кайф было — смотреть особо не на что, местные либо бухают сутки напролет, либо о хозяйстве треплются, даже девчонок нормальных не было, сплошные мымры. Да еще мамаша регулярно мозги компостировала — берись, мол, уже за голову, бестолочь, поступай в институт... ну и прочий шлак. А батяне все до фени. Он частенько за воротник закладывал — только это его и волновало. Короче, скажу так: учеба — это не мое. — Он резко вывернул руль и объехал какой-то валун. Брызги разлетались во все стороны, не иначе как река возмущалась, но полноприводному грузовику было на это глубоко плевать. — Че говорю-то! Не мое это — институты, лекции-шмекции, вся эта скукотень, мля...

Тут Славик повернулся к Сергею и улыбнулся, обнажив редкие кривые зубы.

— Ну не мое — и все тут!

По кабине заскребли ветви нависших над рекой деревьев, посыпались желтоватые листья. А на вершине ближайшей сопки красовалась одна-единственная невысокая, вся какая-то корявая береза. И было что-то мистическое в этой картине, пугающее и манящее одновременно. Дерево, открывшееся всем идущим с океана ветрам — и ведь прижилось, приспособилось.

— Так вот, — продолжал Славик, — когда экзамены завалил, обратно решил не возвращаться. Че там делать-то, в этой дыре? Нотации мамкины слушать? Ну их к черту, этих родителей с их гребаными представлениями о жизни! Почему именно они правы?! — И он с силой ударил ладонями по рулю. — В общем, забей. Удрал я, короче. Год-другой послонялся по Дальнему Востоку, в итоге здесь осел.

— Понятно.

— Не, а че? Места хорошие, с людьми сдружиться нетрудно, да и людей-то не так уж и много. Новые редко приезжают, в плане — насовсем. Так, туристы-любители... Эти припрутся, дня три по острову пошарахаются, поглазят на все, а потом и уберутся восвояси. В принципе, я ж не против — пускай катаются.

Такое, дружище, нужно увидеть. Я вот сколько живу, ничуть не жалею, что разменял какую-нибудь «правильную» работу с институтами и прочим дерьмом на здешние прелести. Сдались мне все эти города! Ну их в задницу!

— И не поспоришь, — кивнул Сергей.

— Делать там нечего. А тут — блеск, красота! Икорки нашей уже отведал, а? Че говорю — вкуснотища! У вас там, небось, такого не водится, — в банках все, консервированное, дорогущее. И рыба не та, что здесь. А воздух-то, воздух! Чуешь какой, а?

И Сергей действительно чувствовал этот воздух — чистый, пропитанный солью, буквально смешивающий в себе дыхание острова и океана. Воздух, от которого можно опьянеть.

— То-то же! — назидательно потряс пальцем Славик, вырубивая из речки на очередную прогалину, грубо дергая рычагом переключения передач и усиленно выжимая газ. — Один этот воздух уже стоит того, чтобы жить. А не все эти офисы-шмофисы.

— Неужели совсем по дому не скучаешь?

— По дому? — Славик улыбнулся, покачал головой. — Знаешь, дружище, тут еще надо подумать, что это такое — дом. Занюханная деревушка, где я вырос, мне домом никогда не являлась. И вообще, я тебе вот что скажу, для меня дом — это... ну-у... Помнишь, как в той песне у «БИ-2»? Дорога мой дом и все такое... Так что да, мой дом — он в дороге, с места на место и прочее. Надоест здесь куковать, отправлюсь куда-нибудь еще. Жизнь ведь на то и дана, чтоб путешествовать, мир смотреть, с новыми людьми знакомиться.

— А ты кем хоть работаешь?

— Да я это... — он задумался, — всем сразу работаю! Где какая халтура подвернется, туда и иду. А нынче вот на повышении — сам видишь, машину дали. Бензина на острове нету, все дизельное. Хотя умельцы наши таки ухитряются канистры завозить. А вообще, тут, по секрету, левак срубить несложно. Главное — с нужными людьми в хороших отношениях состоять. Меня вот администрация наша к туристам приставила, а те, мля, пешком собрались. Я так-то отсыпаться должен, но вот тебя, дружище, до маяка докину, заодно деньжат под-

нему... — Он заговорщически подмигнул. — Ты, кстати, чего там забыл-то? Закрытая зона так-то, военный объект.

— Ищу кое-кого, — уклончиво ответил Сергей. — Слышал, что он вроде как смотритель на маяке.

— Хм...

Славик сбавил газ, вытащил из нагрудного кармана измятую пачку, протянул Сергею. Закурили.

— Там нынче Аксенов, насколько знаю, — сказал Славик, разгоняя рукой горький табачный дым. — Вроде как его смена. Раньше-то они с семьями торчали, а ныне в одиночку сидят. По пятнадцать суток. Стерегут, приглядывают за маяком...

— Аксенов?

— Угу, по-любому он. В прошлом месяце с маяка придурка одного забирали, иприткой себе все руки и лицо сжег. Так вот тогда как раз Аксенов сменялся. Если подсчитать, то — да! — он там ныне штаны просиживает.

— Что еще за ипритка?

Славик хмуро глянул на Сергея.

— Ты чего же, дружище, в администрацию не ходил, что ли? Ведь должны были инструктировать.

— Да как-то не успел.

— Ну даешь! — цокнул языком Славик. — Обязательно надо отметить, разрешение предоставить. Это ж не просто тебе клочок суши у черта на куличках, это, мля, целая погранзона! Все серьезно. А насчет ипритки — растение такое, ядовитое. Им япошки весь остров засадили, чтоб гадюк извести. Если пыльца на кожу попадет, сразу ожог схватишь. И лечить только с морской водой. Вот. Но ты особо не переживай, ныне ипритка уже отцвела. А в администрацию все-таки сходи, у нас мэр — мировой мужик!

— Змей, стало быть, на острове больше нет?

— Не-е, — махнул рукой Славик, — все гадины подошли. Лисы есть, грызуны мелкие, птицы всякой смешной навалом, ну и рыба — куда ж без нее?! А еще очень советую краба отведать. Королевский, вкусный, сука, аж слов нет! Как раз пару дней назад вылавливали. С лодки фонарями в воду светишь, они — идиоты, мля! —

ползут на свет, а ты их крюком. Потом в кастрюльку... — Он замолчал, мечтательно улыбнулся, вздохнул. — Да и вообще, где еще можно уйти вот так с друзьями в бухту, там же наудить рыбки, сварганить уху, ну и... бутылочку уговорить, конечно же... Где? Ну нигде ведь! Нет в мире больше другого такого царства. А люди меняют этот рай на всякие бумажки и конторки, зарплаты побольше, квартирки попросторней и эти свои путевки в какую-нибудь сраную Турцию, Египет, на Кипр. Э-эх...

И Сергею не оставалось ничего другого, как в очередной раз согласиться.

7

Маяк выглядел старым, но крепким. Настоящий монолит, возведенный японцами и оставшийся на острове в память о былых его хозяевах. «Не то что хибары в порту», — думал Сергей, любуясь этим не лишенным величия строением. Грязно-белый, с ржавого цвета конусом наверху, под которым за мощными стеклами угадывался фонарь-прожектор. Вокруг же маяка раскинулись бетонные бункера, соединенные между собой сетью ходов. Что ни говори, а военной стати этот объект не утратил, хотя обветшание и чувствовалось во всем: и в давно не крашенной башне, и в трещинах, тут и там пересекавших толстые стены бункеров, и в парочке ржавых цистерн, утопавших в траве поодаль, и в собранном из березовых стволов шлагбауме с кривоватым знаком «стоп» посередине, и даже в деревянной, изъеденной временем и ветром предупреждающей табличке.

«ОБЪЕКТ МИНОБОРОНЫ РОССИИ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН»

Надпись, сделанная черной краской через трафарет, никого уже не смущала, так как все прекрасно понимали, что маяк, как и сам остров, имеет лишь символическую принадлежность к Министерству обороны РФ; министерству, которое, насколько показала практика последних лет, заканчивается сразу же за административной территорией Москвы.

— Что ж, добрались, — хмыкнул Славик, выскакивая из грузовика. — Дивное это место, дружище. Всякий раз, как сюда приезжаю, дух захватывает. Мыс Краб...

— А Край Света где?

— Вон там, — ткнул Славик пальцем. — На пригорок взберешься и сразу увидишь. Метрах в ста отсюда кусок суши такой в океан уходит.

И, поднявшись по склону, Сергей действительно увидел этот знаменитый мыс, прорезающий темно-серую воду, устремленный куда-то к горизонту, за которым уже ничего и нет — ни земли, ни людей, ни воспоминаний...

— Добрался, — вздохнул он, и вместе с этим вздохом непомерная тяжесть минувших дней свалилась с его плеч. Теперь долгая дорога действительно была окончена. Каких-то сто метров неспешным шагом по переливающейся волнами, практически не тронутой осенью траве, навстречу океану, до тех пор, пока земля не закончится под ногами...

Но сначала нужно было кое-что сделать.

— Ша старый лис объявится, — усмехнулся Славик. — Соскучился, наверное, по людям-то. Как тут не соскучиться? Сидишь один на краю света да за всей этой машиной присматриваешь...

И правда, спустя несколько минут дверь одного из бункеров отворилась и к ним вышел невысокого роста, седой как лунь дед. Его лицо, так же, как и у Славика, было черным от загара, лоб бороздили глубокие морщины, а в живых умных глазах светилась мудрость.

— Ну, здравствуй, папаша, — прогорланил Славик.

— И тебе не хворать, — кивнул Аксенов, при этом не сводя глаз с Сергея. — Как сам-то? По-прежнему по портовым девкам таскаешься? Трипака еще не схватил?

— Скажешь тоже, — отмахнулся Славик. — Ты ж, папаш, знаешь, меня эта дрянь не берет. Я парень дальневосточной выделки! А болезни — они за пределы материка не суются, климат не тот.

— Ну-ну, — усмехнулся Аксенов. — Вот отвалится у тебя чего, поглядим, как запоешь.

— Да брось ты!

Аксенов повернулся к Сергею, протянул руку:

— Василий.

— Сергей.

Рукопожатие у Аксенова было крепким, но спокойным, без дерганных движений и прочего. Да и вообще, во всей внешности этого старого надзирателя за стихией угадывалась некая скрытая сила, воля, позволявшая ему справляться со своей нелегкой работой, — здесь, вдали от людей и комфорта, вдали от ласковой природы средней полосы.

— Так с чем к нам пожаловали? — поинтересовался он, изучая Сергея прищуренным взглядом.

— Приехал познакомиться со своим отцом, — сказал тот. — И, кажется, я только что это сделал.

Славик громко закашлялся, а с океана ветер принес дыхание надвигающейся бури.

8

Ближе к вечеру они вдвоем сидели в уютно обставленной комнате смотрителя маяка, перебирали старые фотографии, вновь и вновь возвращались к одному-единственному привезенному Сергеем письму. В кружке давно уже остыл чай, а Аксенов мечтательно поглядывал на полупустую бутылку самогона, так как ввиду последних новостей душа его рвалась именно туда, в этот сладкий алкогольный дурман. Но пить в одиночестве нельзя, особенно когда на плечах у тебя лежит такая ответственность, а приезжий... гость... пропустить рюмочку-другую категорически отказывается.

За окнами шумел и бурлил океан, свистел ветер, и воздушные потоки ровными линиями расчерчивали траву на полях. А в коридорах старого бункера что-то едва слышно дышало, скреблось, охало и ахало. Привидения здесь водились, это Аксенов знал точно, хотя лично с ними никогда не сталкивался. «Наверное, призраки японцев, — отрешенно думал он, — подобные тем беспокойным душам, что в туманную погоду мелькают на кладбище в Малокурильском, при этом до смерти пугая собак».

Сергей же равнодушно изучал фотоальбом, пролистывая его от начала до конца и снова возвращаясь к началу.

— Значит, опоздал я, — вздохнул он под конец.

— Выходит, что так, Серег, — кивнул Аксенов. — На шестнадцать лет опоздал.

— А мать до последнего верила, что он жив и все так же на маяке вахту несет. Говорила, он свой остров ни на что не променяет. О крупных городах даже слышать не хотел.

Аксенов все же не выдержал и потянулся к бутылке, но внезапно рука его дрогнула, замерла, опустилась...

— Как он умер? — спросил Сергей.

— Землетрясение девяносто четвертого... Дом рухнул прямо на него. Лишь спустя два дня откопали. А насчет городов — здесь матушка твоя не погрешила против истины. Брат любил этот остров. Курилы, говорил, — это мой дом, отсюда я ни ногой.

Аксенов отвернулся, почесал подбородок, глянул куда-то в коридор, откуда к свету медленно подбирались тени.

— Непокойно сегодня, — буркнул он. — Океан ругается. Слышишь, как шипит?

— Слышу.

В ушах же переливался свист ветра да шум бьющихся о скалы волн. И в каких-то ста метрах от маяка — истинный край света, с которого, если верить рассказам, можно посмотреть буквально в никуда. Линия горизонта исчезает, океан сливается с небом, и тогда... тогда твой взгляд устремляется в пустое пространство, а душа, оторвавшись от брэнной земли, несется навстречу вселенской безграничности. И это лучшее, что только может случиться...

— Ты не думай об этом, — сказал Аксенов. — От тебя мало чего зависело. Он, в смысле папка твой, сам такую судьбу избрал. Да и матушка твоя... Как она, кстати?

Сергей лишь покачал головой.

— Хм... И давно?

— Давно.

— Плохо. Поэтому ты сюда приплыл? Рассказать?

Сергей ничего не ответил, сделал пару глотков холодного чая и вернул кружку на стол. Взгляд же его скользнул по комнате, пока не зацепился за бутылку самогона. «А почему бы и нет? — подумал он. — Все равно уже все бесполезно, все закончено...»

— Налей-ка мне, — попросил он.

Аксенов озадаченно скосился на бутылку, глаза его блеснули, но блеск этот тут же угас; он нахмурился.

— С горя набухаться решил? Так ведь не поможет, не надо лучше.

— А ты налей!

Чокнулись, и огненная жидкость хлынула в горло, обжигая, впитываясь в кровь и с болью воспоминаний распространяясь по венам. Практически тут же Сергей будто вживую услышал пронзительный гудок грузовика, над головой что-то взорвалось, металлический скрежет разодрал барабанные перепонки, в лицо пахло гарью машинного масла, а в глаза хлынул ослепительный поток осколков. Крики, крики, крики... а потом одна только тьма...

— Ты как, в порядке? — спросил Аксенов, с тревогой поглядывая на гостя. — Что-то неважно выглядишь.

— Нормально, — отмахнулся Сергей. — Не против, если буду звать тебя дядей? Родственнички, как-никак.

— Да-а... выходит, что родственнички, — хмыкнул Аксенов.

Вновь заструился из стеклянного горлышка жидкий огонь, вновь со звоном соприкоснулись два граненых стакана, — выдох, глоток. И новый поток похороненных воспоминаний. Эти глаза, в которых тревога смешалась с непониманием... В них не было гнева или, скажем, упрека. До последнего момента Алла ни разу не разлилась на него. Лишь смирение, любовь... Расчерченная неоновыми бликами ночь большого города, человеческие лица, суетливые фигуры во мраке, блеск светофоров и громохание музыки в салоне — хорошая стереосистема с мощными колонками, заглушающими детский плач с заднего сиденья... «Пожалуйста, сделай тише!» Но глаза в зеркальце по-прежнему не были злыми, они ни в чем не упрекали. В них застыло лишь смирение и любовь...

Смирение и любовь.

— Послушай, а чем ты тут обычно занимаешься? — поинтересовался Сергей.

— Да много чем, — усмехнулся Аксенов, наблюдая за новоявленным племянником. — Работы хватает, уж поверь. Маяк ведь штука такая, приходится все учитывать...

— Не-е, я про свободное время говорю.

— Так и я о том же. Нет здесь таких понятий, как свободное или рабочее время. Это там, на большой земле, подобные выражения обретаются. Здесь же все время рабочее — потому что ты смотритель, от тебя судьба судов и жизни людей зависят. И так же все время здесь свободное — ведь на пятнадцать суток это твой дом, твоя крепость, где ты один хозяин. Случается, правда, люди наведываются, новости привозят. Туристы последние несколько лет зачастили... Уж не знаю, чем им так наш маяк понравился. А в остальном ты сам по себе. Живешь и работаешь. И жизнь твоя есть твоя работа.

— И что, даже хобби нет? — удивился Сергей, вновь разливая самогон.

— Чего нет?

— Ну, дела какого-нибудь, которым любишь заниматься.

— Странные вещи ты говоришь, — покачал головой Аксенов. — Я живу здесь, на этом острове, и как можно реже стараюсь выбираться на материк. Любимое дело? Хм... Маяк и есть мое дело. Жизнь есть мое дело. А какое еще дело может быть?

— Ладно, проехали, — фыркнул Сергей, поднимая стакан. — Давай, что ли, помянем папку моего, твоего брата... Да и вообще, давай за упокой души человеческой выпьем. За всех тех, кто когда-то был с нами и кого теперь уже нет...

Они чокнулись, но, перед тем как поднести стакан к губам, Сергей завершил свою фразу:

— И да простят они нам все ошибки наши и все зло, что мы им причинили.

9

Поздней ночью, когда ветер ревел, а океан бурлящим шквалом обрушивал волны на каменистый берег, Сергей вышел из бункера и, шатаясь, устремился в темноту. Небо было черным, как закопченные стены христианского ада, и мир словно бы перестал существовать; отныне не было ничего кроме стихийного хаоса перед глазами, скачущих мыслей да смутно различимого вдалеке заветного мыса. Собственно, ради которого Сергей и приехал. Шикотан пе-

рестал быть домом давным-давно, здесь больше никто не ждал его возвращения, а надежда встретиться с последним родным человеком разбилась о сухой голос затворника Аксенова.

«Дядя, — с досадой подумал Сергей, — который глядит на тебя как на очередного туриста. Дядя, который ждет не дожидается, когда уже ты наконец уберешься прочь, оставив ему любимый остров и заветный маяк...»

И как же он завидовал этому старому маячнику, ведь у того было все! Дом и работа, весь смысл бытия — все-все воплотилось для него в этом месте, на самом краю мира, где он неустанно из года в год вел свою, неприметную на первый взгляд, борьбу за жизни людские.

А сам Сергей — что осталось у него? Да ничего! Чувство вины, запоздалое понимание собственной глупости и эгоистичности, безысходность и одиночество. И еще этот мыс...

Край Света.

И нынешней суровой ночью, лучше которой и придумать было нельзя, он сделает шаг навстречу ревушей стихии — праматери бесконечности, — и тысячелетний океан примет его в свои объятия; древний океан наконец-то успокоит его мечущуюся душу.

Покой...

Все, чего только может желать человеческое существо, измученное, разбитое, заблудившееся на окраинах мира. Вдали от равнодушных глаз, от цинично замолкающих людей... вдали от глумливых сплетен и бесполезных слов. Закольцованная судьба — возвращение к месту, что некогда было домом; возвращение с единственной целью — соединиться со множеством судеб, нашедших смирение и вечное забвение в здешних глубинах. И не останется больше ничего...

Когда уже весь промокший Сергей подходил к самому основанию мыса, тьма, разверзшаяся перед ним, поразила своей монументальной тотальностью. Словно проваливаешься в страшный сон... одна ревушая пустота, и... важно не оступиться, не рухнуть в воду раньше положенного. Нет, шаг этот должен быть осознанным, с самого края!

Он спустился по наклонной, ощутив при этом соленые капли на лице. Через мгновение волна окатила его с ног до головы, и лютый хо-

лод на миг сковал тело. Сергей покачнулся, но сумел устоять. Потерял он равновесие, обязательно бухнулся бы в воду. А дно внизу каменное, пенится в нем ледяная вода...

Спустя минуту он уже был у края мыса — с равнодушием обреченного глядел вдаль и тщетно пытался отыскать там линию горизонта. Ее не было, и рассказы местных оказались правдой: мир прекращал свое существование в этом месте, океан уходил в безмерность — ту самую, из которой, быть может, появилась вся вселенная.

Значит ли это, что первобытный хаос тоже своего рода бушующий океан?..

Сергей порылся в карманах и достал измятую фотографию. Подул шквальный ветер, и теперь даже выпитый часом ранее самогон не помогал — холод казался невероятным. А женщина с ребенком все так же смотрели на него с царпанного глянца. Никакого упрека! Любовь в глазах жены и непринужденное любопытство на лице дочурки...

«Возвращайся, мы ждем тебя дома».

Но ведь дома больше нет! Некуда теперь возвращаться! И не к кому...

Сергей разжал пальцы, и ветер тут же подхватил фотографию; через секунду она исчезла в бурлящей темноте. Следом он извлек смятую отсыревшую страницу из «Планеты людей», найденную прошлым вечером на берегу, перечитал послание автора и грустно улыбнулся мысли, что стоило бы оставить этот текст на маяке, дабы дядя нашел его поутру. Своеобразная предсмертная записка...

Скомкав листок, Сергей швырнул его в пучину.

— А теперь и моя очередь, — вздохнул он, но...
...сделать шаг так и не смог.

Что-то произошло в этот миг, и, глянув в распахнутый зев океана, он испугался. Пошатнувшись, рванулся назад и рухнул в мокрую траву. Закричал, глотая болезненные слезы стыда. Но... не мог, не мог, не мог! Не мог совершить этот шаг. Попросту не хватило духу. Все, зачем ехал на самый край света, вся эта символическая показуха, бегство от прошлого, поиски отца и прочее... Лишь теперь понял, что все это было очередной мнимой целью, жалкой

отсрочкой перед осознанием собственной ничтожности. А теперь больше некуда убежать, негде спрятаться от самого себя и, что хуже всего, даже убить себя он не может...

— Поднимайся! — вдруг зазвенел голос над самым ухом.

Сильные руки дернули кверху, поволокли прочь.

— Нет, нельзя, не надо... — вяло протестовал Сергей, но хватка Аксенова была словно железной, а тот напор, с которым старик тащил его от края бездны, и вовсе казался чудовищным.

— Сдурел, что ли?! — заорал Аксенов ему в лицо. — Жить надоело? Кто ж в такую погоду на мыс-то выходит?..

— Да! — прокричал в ответ Сергей. — Надоело!

Аксенов замер. Пораженный, уставился на племянника. По лицам обоих стекали холодные капли, а вокруг бушевал неистовый океан.

— Так ты... специально?

— Я убил их, понимаешь? — сказал Сергей. — Алла, все дело в ней... Я не знаю... Это сложно объяснить, но я никогда ее не любил. А она... она всегда была рядом, нежная, ласковая. С ней было комфортно... Но потом, когда женился, осточертела она, видеть ее больше не мог!

— Алла?

— И она понимала это, чувствовала, — продолжал Сергей. — Как тут не почувствовать? Но ни единым жестом не выказала своего недовольства. Ничего! Только любовь, только покорность, сплошное примирение... — и, забыв, что только что выбросил фотографию, он начал рыться в карманах. — А я пил... много пил, так как тошно было домой возвращаться, на нее смотреть. Тошно было из роддома ее забирать. Господи... — Он опустил голову. — Я убил их...

— Серега, — вздохнул Аксенов. — Как же так?

— Не буквально убил, — отмахнулся Сергей. — Просто настолько мне все осточертело, что сел вдрызг пьяным за руль и... всех разом угробил. Один только я и остался. Пришел в себя в палате, следователи мне всю подноготную и выложили. И потом, когда из больницы выпи-сали, когда домой вернулся, все вдруг как-то сразу навалилось. Понял, что никого больше нет у меня. Никого не осталось! И даже дома

теперь нет. Некуда возвращаться, не к кому... Только отец если, и то, судя по письмам матери, тут где-то он... На дальневосточном острове. Вот я и решил — отправился сюда дом свой искать...

Аксенов положил руку Сергею на плечо.

— Да уж, натворил ты дел.

— А теперь я даже убить себя не могу. — Сергей отвел взгляд, выдохнул: — Духу не хватает. И идти мне некуда, ведь сразу сюда ехал, к мысу этому, чтоб в бездну заглянуть...

— Ну, бездна не здесь, — покачал головой Аксенов. — Она там, с юго-восточной стороны, где мыс Непокоренный находится. Может, как-нибудь я тебя туда свожу, если только в воду пообещаешь не прыгать.

Он улыбнулся. Сергей же непонимающе посмотрел на Аксенова, и тогда тот крепко обнял его. И так они стояли какое-то время, а ветер свистел над их головами, океан бушевал, брызжа соленой пеной, а чуть правее, во тьме, величественно возвышался старый маяк.

— Ладно, — сказал наконец Аксенов. — Пойдем уже. Пойдем домой...

И после этих слов что-то будто бы изменилось в ночи: то ли ревущий ветер вдруг утратил былую свирепость, то ли волны, устало вздохнув, решились умерить свой пыл. А может, то

была лишь еще одна измученная бесцельными скитаниями душа, что впервые за долгое время обрела покой?

* * *

Наутро, в особенности после бури, когда шквалы становятся тише и небо ясней, из-за горизонта, словно бы пробудившись ото сна, медленно поднимается солнце. Свет его стелется по миру, прогоняя многочисленные тени и первобытный страх ночи.

И если в этот момент посмотреть на океан, то можно увидеть, что вода его сделалась нежного фиолетового цвета.

Так на краю света наступает новый день.

□

Евгений ДОЛМАТОВИЧ

*родился в 1986 году в Ярославле,
но большую часть детства провел на Дальнем Востоке.*

*В 2008 году окончил Ярославскую военную
финансово-экономическую академию.*

Пишет прозу.

*Публиковался в журналах «Ното Legens» и «Урал»,
в сборниках «Очертания», «Аэлита / 010»,
«Своими именами назовутся», «Город счастья»,
на интернет-ресурсах.*

Живёт и работает в Ярославле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

